

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140

Непокорная требовательность

Супружеская пара Бакановых: он – начальник ГАИ города, она – учительница, хотя и обременяемая собственным семейством и старшего сына Александра, – выкраивала часик-другой и выбиралась к Марии Ивановне. Мама из казачьего сословия, деревенского, Владимир Петрович – из городского, аж из фортштадта Оренбурга. Они отводили душу о своем изначальном мире.

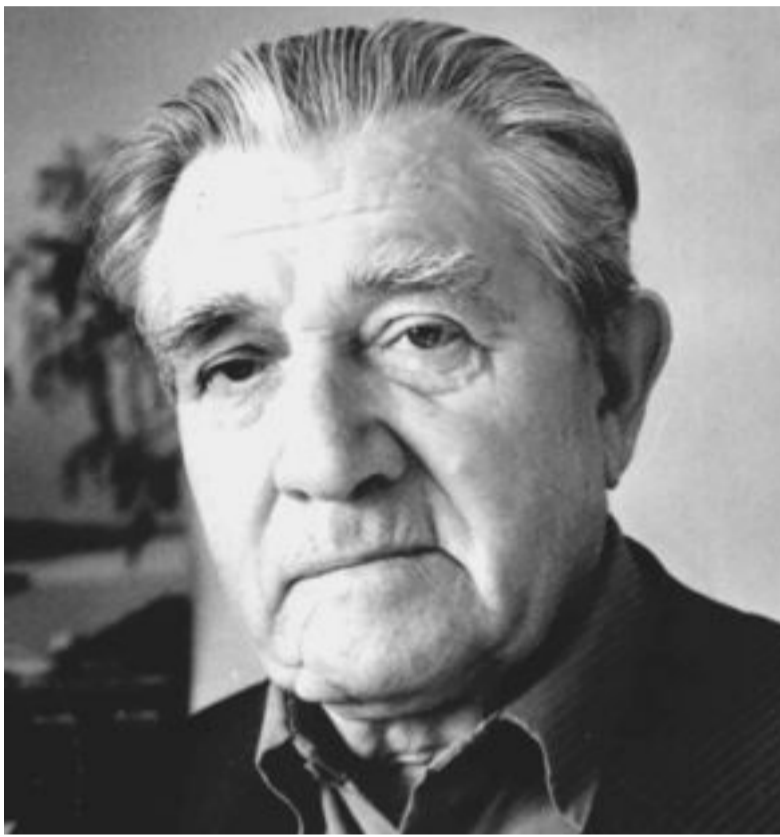
Гаишник Баканов никому не давал спуска за нарушение правил дорожного движения. Персональная машина первого секретаря горкома партии не посчиталась со знаком, запрещающим проезд, и Владимир Петрович отобрал права у его шофера. Секретарь орал на Баканова, грозил сшибить с должности, но шофер все-таки заплатил за нарушение. Генерал МВД Челябинской области назначил своего подчиненного Баканова за непокорную требовательность начальником ГАИ области. Баканов служил в Челябинске не только в ГАИ, но и заместителем руководителя областного МВД по лагерям и тюрьмам.

Выйдя в отставку полковником, Владимир Петрович вернулся в Магнитогорск и вместе с женой опекал мою маму. Иногда Бакановы пересекались с дочерью и отцом, пенсионером-прокатчиком Сидинкиным, и договаривались с ними созваниваться ради посещения Марии Ивановны в разные дни. Забегал к ней Юрий Петров с женой и матерью, изредка с дедом Овечкиным, когда тот приезжал из Верхнеуральска. После годичной отсидки в нашей тюрьме Юрию удалось устроиться в литературный институт. Он учился там в одну пору с Эрнстом Сафоновым. Успешно окончивших институт, их взяли редакторами в общесоюзную «Роман-газету», ежемесячно выпускаемую трехмиллионным тиражом. Но ненадолго они в ней задержались: Юрий возвратился в Магнитогорск с выпускницей-медичкой, а Эрнст поселился в Обнинске. Юрия, приехавшего из Верхнеуральска дедом выпивать еще малюткой, строгажи за это мать и жена при бойкой поддержке Марии Ивановны.

Но переменить Петрова они не сумели, и его жена, родившая ему сына, уехала в Челябинск, где до недавнего времени обретался ее отец, директор областного музея, покончивший с собой: вел борьбу в печати и в докладах за изменение отношения к подлинному краеведению, но изверился и поставил точку из именного оружия, полученного в награду за храбрость во время Великой Отечественной войны.

Песни и угощения

Нет-нет подгрести к Марии Ивановне Швагины, Виталий и Клара, он – преподаватель русского языка и литературы в горно-металлургическом институте, поэт без стремления печататься, бард, гуляка, картежник, она – директор школы. Муж вольности вне моральных строгостей, он не задумывался над тем, что подводит своим поведением Клару: моментами сваливались на нее укоры учителей, родителей, даже школьников, что оборачивалось неладом между

Гаишник Баканов никому не давал спуска за нарушение правил дорожного движения

супругами. И хотя они дома прекращали общаться, в гостях вели себя как ни в чем не бывало, зная, что семейные распри среди знакомых вконец изводит Клару. Швагин пел под гитару и личные, и народные песни. Мама вторила ему, и обычно письма о Швагинских гощениях веляли неизгладимой отрадой.

Получалось, к моей великой радости, не по пословице: «С глаз долой, из сердца – вон». Что хочется подчеркнуть дополнительно: помощь маме становилась подспорьем моим бедным родственникам и ее соседям. Природно и судебна мама была охоча до поддержки обиженных, сырых, голодных, а тут, находясь на пенсии, даже получая мои ежемесячные денежные переводы, она не всегда полностью выкраивала возможности для благодетельности. И то, что стала прихварывать, ослабевать, тучнее от болезни сердца, поначалу изводило ее настроение: как же она будет находить всем сколько-нибудь потребным тех же дочек, племянника Александра Александровича Коновалова, получившего очередной срок, Таню и Лену, их мать, племянника Юрия, его жену и сына (жена Лида бежала с матерью из Краснодарского края от послевоенных сталинско-бериевских налогов, а вот Грузия не облагалась).

По субботам-воскресеньям они гостят у нас, моются, стирают, кормятся. Нельзя ведь не побаловать их чем-то лакомым, не купить им обновки. И вдруг продуктивное изобилие от навещающих ее Рыбовых, Занаворовых, Бакановых, Петровых, Разиных, Швагиных, Лаптевых... На редкость даровиты художники Виктор Антонов и Юрий Лисачкин, да запиваются до нищенства. Кто их попотчует пельмешками, опохмелит, побалулет смесью краснодарского, цейлонского, китайского, индийского чая, ну и подкинет десятку-другую для оплаты жилья? Слава богу, она-то очень щадящая, эта оплата.

Текстом брошюры «Переделкинские прогулки» Анатолий Ткаченко напоминает мне прыгуна с трамплина, кто планирует ничтожно, сажает лыжи на ледяной наст вкривь и вкось, бороздит его бесстыдной мордой, как плугом. Обвинять меня в стремлении к выгоде, подчас и мою жену, значит,

мордой в наст со всего маху. Сроду-роду я не искал выгоды, а был нерасчетлив, добр, самопожертвенен. Приведу примеры только с поры, когда стал учиться в литературном институте. Прямо с лекции профессора Сергея Бонди, – он вел у нас трехлетний курс по Александру Пушкину, – меня вызывают в кабинет директора. Директор – Фатеев Петр Степанович, бывший секретарь агитации и пропаганды ЦК Компартии Молдавии. Фатеев находился в кабинете со своим заместителем по творчеству, Смирновым Василием Александровичем, в недавнем прошлом – главным редактором партийной газеты Ярославля, автором романа «Сыновья», обнаруженного Константином Паустовским на семинаре областных писателей.

Список нуждающихся студентов

Уважающий Василия Александровича за талант, я, встречая его, обычно огорчался его неприветливости, брюзгливому выражению лица. Смирнов сидел, облокотясь правой рукой о торец директорского стола, левой поднял к моему лицу казенный лист с грифом Литфонда СССР.

– Подпиши, – он сказал это таким приказным тоном, который отвергает за мной даже микроскопическую независимость.

Сытый по горло деспотизмом

начальства Магнитогорского металлургического комбината, я не без возмущения выдернул лист из его аристократических пальцев. Но успел лишь ухватить взглядом несколько фамилий, напечатанных столбцом, как Фатеев отвлек меня:

– Коля, литфонд выделил нашим студентам двадцать тысяч рублей. Необходимо получить быстро. Пока здесь председатель литфонда Леонид Максимович Леонов, поставь роспись от профсоюзного комитета. Василий Александрович уже расписался от парткома. Сейчас придет Иван Завалий, он распишется от комсомола. Спешка заставила меня и Василия Александровича самим составить список особо нуждающихся студентов, – и Петр Степанович протянул ручку, сверкнувшую золотым пером. – Коля, ты присядь. Роспись против графы «Председатель профкома».

Ручку, бликующую золотом в мои глаза, Фатееву пришлось положить на зеленое сукно столешницы. Я читал список студентов медленно, удивляясь несоответствию денежных сумм, назначаемых бедным и богатым студентам. Тем, кого угнетала бедная немощь, пособия выделялись скудные, а тем, кто снимал частные квартиры и роскошествовал, назначались щедрые. Сабаеву, осетину, казначею профкома, бедняге, живущему на одну степешку, – двести рублей, Куликову Спартаку, демобилизованному технику авиации, у которого от худобы чуть ли щеки не слипались, тоже двести, а Гуссейну Мухтарову, еще до сентября – министру культуры Туркмении, – тысяча рублей. Виктору Гончарову, краснодарцу, раненому фронтовику (ему удалили часть желудка и кишечника), самому

После годичной отсидки в нашей тюрьме Юрию Петрову удалось устроиться в литературный институт

яркому, по моему мнению, институтскому поэту, дали всего-то двести рублей... В последнее время он до того оголодал, что прекратил по-

сещать занятия. На днях он назанимал медяков и серебра у наших ребят, съел в столовой камерного театра порцию шшей, котлету с толченой картошкой, выпил пару стаканов чая, хлеба, нарезанного на широкие тарелки, благо бесплатного, умял четыре ломтя. Для меня, тоже голодавшего, оставил восемнадцать копеек: на винегрет, пшеничную кашу, опять же на чай. Ему нельзя было есть черняшку, горчицу, и он попросил, чтобы я напоролся под чай этой ширяющей в ноздри вкусноты, и дал мне зубок чеснока для натирания горбушки.

Деньги – богатеньким

Другим ребятам, обнаружил я, опять же фронтовикам, пособия «отвалили» и того меньше, по сто пятьдесят рублей. Григорию Тимченке, ставропольскому прозаику, рязанскому поэту Владимиру Семенову, хакасскому драматургу Михаилу Кильчицакову, студентам из военных моряков и нынешних партийных общественников Семёну Шуртакову и Михаилу Годенке – по пятьсот рублей. По столько же тоже участникам Отечественной войны Борису Бедному, Юрию Бондареву, Евгению Винокурову, Владимиру Тендрякову, Григорию

Фрадману, позже по псевдониму – Бакланову.

Меня прямо-таки бесило, что самые значительные деньги – по тысяче рублей – предназначались богатеньким из федеративных республик, получавшим, кроме институтских стипендий, еще и ежемесячные пособия в постпредствах, о чем мы, бедолаги РСФСР, не могли слышать без возмущения. Оказывается, пособия постпредства выдавали им «для развития национальной культуры». Нам, значит, россиянам, состоящим из более чем ста народов и племен, не надо развивать национальных культур, а представителям федеративных республик – край, как надо (после, когда в общаге Высших литературных курсов поры Виктора Астафьева, Петра Борискова, Сергея Викулова обсуждали положение России, их слушатели сделали угрюмый вывод: метрополию руководители СССР превратили в колонию, а народы и земли, считавшиеся колониями, – в метрополию. И я воспринял распределение литфондовой помощи в литинституте как проявление гнусности вышеуказанной политики и практики)!

Разные аспекты

Я сказал Фатееву и Смирнову, что не подпишу список.

– Почему, Коля? – спросил Петр Степанович неприятно. Он был довольно новым директором и, похоже, играл на этом.

– Наверно, вы не знаете, что мы, прежде всего русские, называем себя обдергаями?

– Поясни?

– У нас, у большинства, паршивая одежонка, барахло иначе. Даже фронтовики, вернувшиеся на гражданку офицерами, не имеют костюмов. Приглядность их вырывает парадная форма.

– Погоди, Коля. Бондарева я видел в костюме.

– Недавнее приобретение, весьма скромное притом. Гуссейн Мухтаров ходит в костюме, который никому из нас не снится.

– Что ты хочешь, быть министром культуры Туркмении, да чтоб не завести костюм государственного вида? Театр Моссовета ставит его пьесу. Обдергаем перед труппой и зрителем не покажешься.

– Он богат, гонорары, снимает квартиру. В Туркмении и Узбекистане идут его пьесы. Вы Бондарева пятьсот рублей, ему – тысячу. Среди молодых писателей не только нашей республики, но и всего Советского Союза Бондарев исключителен. А Борис Бедный, а Виктор Гончаров, а Тендряков, а Солоухин?!

– Редкостные таланты, согласен. Мы учитывали, Коля, разные аспекты... Министру – министрство.

– Азербайджанцы носят великолепные костюмы. Их постпредские стипендии в два раза больше наших повышенных степешек. Напечатал в партийной газете республики стихи – принимают в Союз писателей. У нас в РСФСР и в Москве с книгами еле-еле вступают в Союз. Ни один из азербайджанцев не был министром, а вы им, кто меньше отличился, чем Мухтаров, – сверхпособия. Кстати, почти все именные стипендии русских классиков отдаются у нас в институте представителям федеративных республик Востока и Кавказа ☹

Продолжение следует

> Правда – точно горькое питье, неприятное на вкус, но зато восстанавливающее здоровье. Оноре де БАЛЬЗАК